

Александр Воловик

ВДОХНОВЕНИЕ – ЭТО

ВДОХ, НАВЕРНОЕ, ВЕТРА

Москва

2018

Александр Воловик. Вдохновение это – вдох, наверное, ветра / стихи,
М., ИД «Вручную»

© А.И.Воловик

© ИД «Вручную», 2018.

ВДОХНОВЕНЬЕ

Мы, одеты в тёплый свитер, не дрожим на холоду.
Нам весьма привычна спячка. Мы покойны, как матрас.
Вдохновенье – это ветер под названьем сильнодуй.
Вдохновенье – это спичка, зажигающая нас.

Вдохновение поэты наряду с богами чтут,
музой юною зовут, в виде некой эстафеты
через свой великий труд нам его передают...

Ну, а нам – не время – час, много времени у нас.
Мы хватаем вдохновенье, точно удочку – карась,
и жуём, как червяка столько времени, пока
не поймём, чего мы ищем и коня какого свищем,
и безглавое детёще не уроним в унитаз.

И теперь мы точно знаем и твердим, как попугаи:
«Вдохновенье – это страсть, иссушающая нас.
Опасаясь вдохновенья, дружно сядем в унитаз!»

13.1.67

ДИАЛОГ

(неизвестно кого неизвестно с кем)

– Вдохновение – это
вдох, наверное, ветра?
и, наверное, – благоговение?

– Вдохновение – это
труд от света до света.
Вдохновение – это умение.

1989

* * *

Для веры непременно Откровенье.
Для тлена – жизнь, а то – чему же тлеть!
А вдохновенье гонит кровь по вене,
и вена извивается, как плеть.
Взмах – и лицо украсила гримаса
восторга, перемены бытия.
Гоню галопом глупого Пегаса!..
В пампасы славы, полагаю я.

1990

* * *

Интеллигент, и должен рефлексировать.
А мне напиться хотца и забыться.
А жизнь идёт – какая-то фиктивная,
хотя давным-давно уже – за 30.
За 40 тоже... Упоенье Будущим
давно иссякло. Но всего смешнее,
что 50 ушли за тёткой с дудочкой,
и 60 – опять-таки за нею.
Она бряцает страшно привлекательно
на клавишных, а может, и на струнных...
Но есть ещё такие: терминаторы,
заканчиватели процессов трудных.
Резвись и пей – пока они не прибыли,
махай так называемую лирой.
Ведь *там*: ни вдохновения, ни прибыли –
что рефлектируй, что не рефлектируй...

* * *

Когда слова, их сочетания и рифмы...
когда забор разновысоких звуков...
когда сквозь мрамор – силуэт изваянья...
Тогда единоголосно говорим мы,
поухав перед этим и поухав,
– Ребята! Да ведь это – вдохновенье! –
и ну – творить: бряцать, плясать и мазать...

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ

Из тех же самых тридцати трёх
как стих бы воспроизвести – трёп.
И мне бы сказочку, и вам речь.
А не *покажется* роман – сжечь!
Какая скука – лексикон стен!
Летите, рукописи, в сон, тлен.
Летите ввысь, в апофеоз од,
печатный лист, тираж-заказ, код.
Там том и триптих, прототип, троп...
Но сдохни, принтер, линотип: стоп!
Перед порогом в нашу даль лет –
ни иероглифов, ни альф, бет.
Гермес. Слетает с язычка текст:
“ЛЕЧУ ДАНАЕ ТЧК ЗЕВС”.
Баян, на каторгу струны сев –
как индикатор старины, сед.
Греми, симфония! Перун – в Стикс[□]!
Кирилл с Мефодием. Перо. Кисть.
Тревожно лидерам, но скор срок –
грузиться литерам в набор строк!
Стихотворение. Вина – чья?
Бежит волнение от А к Я.
Что – вдохновение! – В висках кровь...
И – тем не менее – каскад строф.

1991

* * *

Время – вдохновенья. Начинаю пенье.
Завершилась осень по программе всей.
Еду в электричке, словно предок в бричке,
стукают колёса об своих осей.

Узкая колея (или же коленка)...
Правды нет и выше, как сказал Поэт.
Эй, салаги, глянь-ка, вот она, нетленка.
Её классик пишет, созидавая свет.

Сотворенье мира – чья прерогатива?
Может, скажешь, бога? Да окстись, откель!..
Это я, заметьте, словно чиж на ветке,
попою немного и глядишь – О Кей!

Мир клубится, дышит, он не гладью вышит,
– Может, нарисован? – Бред! Галиматья.
Мною он задуман. У меня во лбу он.
Да и нет иного миру бытия!

2001

* * *

У вас пошлó? А у меня пошлó!
Поехало в известном направленье.
И свечку путеводную зажгло.
И к чаю в банке подало варенье.
И вывело заглавье на листе
стандартного формата А4...
И из набора рифм дало лишь те,
что классики ещё не захватили.
И сразу стало ясно и светло,
без спирта вырос градус настроенья.
Пришло, как говорится, вдохновенье,
а это значит – у меня – ПОШЛÓ!

1997

* * *

Когда под кнутом вдохновенья
уложены буквы в ряд,
и ангелов сложное пенье
не ранит взыскательный слух,
тогда возникают из мрака
кудрявые тени коряг,
которые терпит бумага
без, вроде бы, видимых мук.

Я, стихотворенья директор,
умеренный прапорщик слов,
вхожу, как простой вивисектор,
с метафорой наперевес.
Я что-то кромсаю и чищу
и определяю на слом.
Перо в моих грубых ручищах
работает, как Днепрогэс.

И вот интенсивно коснеет
крылатое тело стиха,
его амфибрахий тускнеет,
и ритму хребет перебит.
И вот, в результате творенья
совместного: мной и в верхах,
вы видите стихотворенье.
Приятен ли вам этот вид?

ГРАФОМАН И ВУРДАЛАК

Графоману тексты любы, а особенно стихи.
Вурдалак почистил зубы, а особенно клыки.
Графоман достал тетрадку, изготовился писать.
Вурдалак ползёт украдкой и готовится кусать.
Графоман в тетрадь заносит вдохновенные стихи.
Вурдалак над ним заносит офигенные клыки.
Графоман в катарсис входит, издавая хриплый рык.
Вурдалак отраву вводит в кровь, вонзая острый клык.
Графоман теперь, укушен, тоже станет упырём.
Вурдалак его послушал и издох. И мы умрём.

* * *

Мещане спят, сто грамм приняв –
без всякого движения.
А гений – нюхает рукав
и ловит вдохновение.
А гений скушал огурец
и снова пьет галлон до дна...
Нам не хватает позарез
такого Джека Лондона!
Ему на градусы начхать –
махнет, заест оладушком,
а после – как пойдет махать
резцом, или по клавишам...

Поднес и я б ему стакан,
да хоть бы виски с содовой! –
и ни хрена б он не был пьян,
еще б и не распробовал.
Кричит: “Давай!”, кричит: “Еще!”
Кто гениальней гения!..
Вот и мораль. Ну, я пошел.
Привет.
Моё почтение.

ВЫНУЖДЕННОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

(Дневальный)

Говорят, что поэты должны не спать по ночам.
Говорят – вдохновение гонит поэтов из спальни...
А меня разбудили сегодня к двум часам,
потому что я сегодня – дневальный.

Что же теперь мне делать до десяти утра?
То ли просто стоять, колыша ресничные мхи?
То ли дни сосчитать до возвращения назад...
А лучше просто – писать стихи!

Начнем. Я вижу: телефонистка тянет руку-змею
к диску – искусным движеньем срывает номер...
И! – сейчас – в Тишину мою –
голос звенящий ворвется! Заспанный повар*

станет мотать портянки – одну за одной –
потом он хлопнет дверью вниз
и, топоча, побежит к старшине домой,
чтобы сказать тому, что его зовут

к телефону. А я останусь сидеть
возле старого зеркала, которое смотрит мне в спину,
и возле часов, удары которых, как плеть
колониатора над головой бедуина...

А после в окнах станет яснее свет,
и крепче заснут солдаты перед новым днем.
И тут-то, ополоснув из шланга клозет,
я заору: “Подъем!!!”

Дивизион начнет протирать глаза, матерясь.
Потом забегают возле казармы строем.
Потом пожрет – в столовой с салом *кирза* –
и замрет на миг, сыт и спокоен.

Потом разъедется. Я один
снова буду писать стихи,
чистить клозет, исподлобья глядеть, как кретин,
книги читать и подыхать с тоски...

(Начало июля 1963.)

* * *

Вдохновенья в общественном транспорте
жду, горланя, пока не охрип.
Полчаса покатаюсь, и – здравствуйте! –
даже кашель устроен из рифм!
В трансе транспорта и созидания
вольный разум п(р)отух и обмяк.
В голове – мясорубке сознания –
изготовлен вербальный форшмак.
Пьян без водки и даже без пива я.
Кайф катарсиса встал между строф.
День без строчки – потеря терпимая.
Катастрофа – полдня без метро!

1996

* * *

Душа моя, я бессловесный твой.
Тебе я бедный родственник телесный.
Прости мне этот лепет, этот вой,
что в простоте я называю песней.
Прости, что не могу как на духу
освободить тебя от оболочки
и только колупаю шелуху
на матерьял для самодельной строчки.
Душа моя! Пожалуйста, проснись!
Прости, что вдохновенья миновали,
и всё, что есть, всего лишь экзерсис,
игра высокопарными словами,
что в час, когда иные везунки
скакали к небесам на Сивках-Бурках,
не рвался с ними я вперегонки –
тебя лелеял в пухлых закоулках,
на вкус не ощущавшую потерь
и завистей не знающую скрытных...
Душа моя, давай, взлетим – теперь,
крылами ревматическими скрипнув.

* * *

Сейчас 0 часов 00 минут 11 августа 1997 г.

Вот переверну страницу и за 15 минут
напишу законченное стихотворение.

Не знаю, о чем.

Ну, а не напишу, значит, не напишу.

Минута первая прошла,
пока сидел я у стола
и над страницей предыдущей
летал, похожий на орла.
Теперь идет уже вторая,
и я почти у двери рая,
где некто, двери стерегущий,
меня обидит, прогоняя.

Теперь забудем счёт минут –
пускай их хоть пятьсот минут,
но не минуло б «вдохновенье»
(или – как там его зовут).
Вот им конкретно окрылённый,
всю волю – словно в куб бульонный –
я с-кон-цент-рировал... Мгновенье –
и стих повиснет макаронной
на Ваших, дорогой, ушах.

(Уже 0.10. Первый шах...
А эта нудная бодяга
почти завязла. Дело швах.)
Продолжу всё-таки беседу
с собой и временем. И эту
беседу – вытерпит бумага,
на чём и праздную победу!

(0 часов 14 минут.)

Хоть смысла тут почти что нету...

(0.16)

ПОЛЁТ

Я сам себе чужд.

Может, там, куда мчусь, я вообще не я...

И жду, удручён скрежетаньем счетов и актов,
что вот получу нё-платёжное поручение
(от кого – не знаю) – хотя б на десяток тактов.

И скоро и правда, летучее, как вдохновение,
нисходит (или вздымается?) нечто вроде...

И я начинаю летать, по обыкновению,
то есть своей отвечать, наконец, природе.

Невесомостью, отсутствием тела, лёгкостью
характерно известное всем состоянье лёта.

Высота в ушах пищит специфическим посвистом
(который, возможно, от комплекса рифмоплёта).

Далёкое смотрит близким (и таковым является).

Сущее стало вещим, и мыслям в черепае тесно.

Буквам, значит, просторно

(в классику бы не вляпаться!)

(всё это не относится к данному конкретному тексту).

При этом полёт может быть из окна или с лестницы,
но чаще всего совершается в подземелье...

И становится мир всё приятнее и полезней всё,
и доступнее всё, как тому дураку Емеле...

Так и летаю, навроде орла или аиста,
неся соответственно – дичь или плод сокровенный.

Но свободный полёт внезапно, как всё, кончается
для иных, тоже не чуждых мне, отправлений.

ЭПОС И ПАФОС

Дан допинг спортсмену и кофе Бальзаку,
и зелье шаману, и водка Джек Лондону,
но радужный вздор дорогого дензнака
не дан моему вдохновенью холодному.
История сожрана эпосом ложным.
Растрочен весь пафос на склоки и жалобы.
Пегас мой замучен мочалом подножным.
Чья муза бы пела – моя помычала бы!
Конечно, я знаю, на что я надеюсь,
когда я тачаю безделки бесплатные.
Но Эпос и Пафос – как Фобос и Деймос –
то грянут из прессы, то канут, неладные.
Отставленным локтем встречаю опасность,
вминая коленку в ступеньку троллейбуса,
и прячу – до встреч с контролёрами –
пафос.
Продолжим наш перечень: время для эпоса,
Дан Пушкин Дантесу и деньги Иуде,
отгружены яблоки Еве и Ньютону.
Да если б не знал я, как именно будет,
то чёрта ли мне развлекаться дебютами!..
Смирить бы гордыню горбатой гортани,
алтыну и тугрику не соразмерную!..
Но нет – я стартую. Швыряйтесь тортами.
Меня не исправить и высшею мерою.

ИЗ ЖИЗНИ ГРАФОМАНОВ

Как графоман я посетил собрание
бюро по пропаганде графомании.
Мы обсуждали разные дела.
Пусть графоманы мы, но, тем не менее,
к нам Муза столь добра, что вдохновение
какое-никакое нам дала.
Мы говорили: фабула... сравнение...
Отечество... катарсис... прихоть гения...
(как модельеры – крой, шевьот, пошив...),
в единстве наша сила и в сознании
того, что всё в советской графомании –
от книг и до интриг – как у больших.
Был разговор и о делах издательских,
о тиражах мизерных издевательских,
и что давно пора на хозрасчёт.
Что надо нам иметь побольше смелости,
и что бороться надо против серости,
и что ещё чуть-чуть – и всё пойдёт!
Не бюрократы мы, зря слов не тратили,
а оказались в русле демократии,
и – более, чем кто-либо – равны,
от тайного голосованья гордые,
мы в высшие свои избрали органы
ведущих графоманов всей страны.
И пусть народ, не смыслящий словесности,
нам прочит прозябание в безвестности –
нам наплевать! Мы пишем, и – кранты!
И, пользуясь свободой и гласностью,
я заявляю, что горжусь причастностью
к процессу производства красоты!

1986

* * *

Грустно мне, что старикашкой ветхим
буду внукам говорить с презреньем:
«В ваши годы, миленькие детки,
тоже я писал стихотворенья...»

«Это, мол, – скажу им, – возрастное.
Это не заметишь, как проходит.
В жизни проза, лишь в стихах герои.
Привыкайте к ежедневной прозе».

А на сердце будут биться строфы
нерождённых, но прекрасных гимнов,
истекая старческой кровью
и почти совсем уже погибнув...

А на сердце будет не презренье,
а на сердце будет злая зависть.
И тоска о давешней измене,
и о том, чего уж не поправить.

И пройду сомнанбулой по крыше,
и чердак открою сокровенный.
Память старую тетрадку мне отыщет
со следами слёз и вдохновений.

И в руках дрожа и вырываясь
обманываемую девчонкой,
будет плакать строчка, как живая,
на конце пера у ручки тонкой...

Будет плакать, что покрыта прозой,
как травую – высушенное русло,
будет мне укором и угрозой,

угрызеньем... Ах, как это грустно!..

И теперь, себя опережая,
завещаю всем грядущим внукам:
– Милые! Творите! Побеждайте!
И не верьте старикашкам глупым!

01.01.1966

* * *

Мне кажется тесен и узок
рифмованных образов строй.
Науки серьёзная муза
встаёт у меня за спиной.
Ещё не родив вдохновенья
и не обещая: «воздам!»,
меня посылает в ученье
давно позабытым азам.
Велит мне учиться – скорее
и вдумчивей – курсу наук,
велит мне оставить хореи
и ямбы на редкий досуг,
забыть навсегда амфибрахий...
И я говорю: «Хорошо!»
И это не бегство со страху,
не в пропасть безумный прыжок,
не шалость дурного беспутства,
не блажь на сегодняшний день,
а шаг по дороге Искусства,
подъём на вторую ступень.
И как воплощение союза:
Евклид – Архимед – Аполлон –
науки десятая муза
меня осеняет крылом.

27.9.69. Новосибирск – Москва

ИЗ ПЕПЛА

Вот если был бы малость помоложе я,
свисталось мне б, как чижику весной.
И как легко мне было б имя божие
тревожить все буквой прописною!
И у меня в начале были б возгласы.
И я б лупил по ласточкам из пушек.
Но скептицизм умеренного возраста
душе не оставляет побрякушек.
Мне нет с небес блатного вдохновения,
и грош души не заложил я в пекле.
Похоже, что мои стихотворения
из лично моего восстанут пепла!

1988

ТВОРЧЕСТВО

В образы, как в образа я
вбрасываю взоры зорь.
Я зверею, как борзая,
разверзая кругозор.

Резкой краской красной крови
отражаются в зрачках
провиденья брови вровень
с привиденьями в очках.

Руки в чёрной лихорадке
рвут рычащее перо –
вдребезги. Раздумья кратки,
как ремарки между строк.

Вдруг рождается – из грома –
из рычания ржущих орд
первым призом ипподрома –
Торжествующий аккорд!

И – за разом раз – зараза! –
ум-за-разум разведёт –
и тетрадь изрежет фразой,
безобразной, как урод!

* * *

Я же вроде как Дон Аминадо:
он считался стиха акробат,
вот и я тоже... Музы же надо
мною невинный блюдут целибат.
А которая, может (случайно)
плешь Поэта заденет крылом,
та торопится сразу же в ванну –
смыть, пока не засёк Аполлон.
Ну, а я, от нежданной удачи,
как обычно счастливые – глуп,
хохочу и рифмую, и плачу,
вдохновенья халявно вдохнув.

2012

ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ

В.Герцику

I

Я человек полнолуния, комнатного безумия.
Не прозябаю втуне я, но тороплюсь в полёт.
Утро ли, ночь ли лунная – ну-ка, возьми в игру меня,
я поступлю, не думая – весь, как автопилот.

Я человек. Во льду ли я – всё как в жерле Везувия.
Тут не игра, в дыму моё – всё: и душа, и плоть.
Действие – наказуемо. Рухнет – лови внизу его.
Крайний-то – я! – Ату его! Вот – бытия оплот...

Я человек неумения.
Я человек потрясения.
Я человек увядания.
Я человек до свидания...

II

Я человек воскресения. Жизнь проскользнёт без трения,
но – за крупицу времени, сорок каких-то лет –
не тормозя мгновения, сдвинет, отжав сцепление,
фокус стихосложения времени драндулет!

Я человек говорения – тусклого, но горения.
Не для меня гниение: мне не пристало – тлеть.
Я – человек хотения. Я не во тьме, но в теме я.
Вам ли сдержать в узде меня, пряники, петля, плеть!

Я человек разумения,
Я человек вдохновения.
Я человек созидания.
Я – Человек-Мироздание!

ИЗВИЛИНЫ КАК ЯСЛИ МЫСЛИ

Извилины – как ясли мысли.
Листки бумаг – её пелёнки.
А ну-ка, Солнце, ярче свисти
и мысли высветли потёмки!
Там, в закоулках трансцендентных,
прижали ушки, как зайчатки,
ещё нейтральны, точно деньги,
её невнятные зачатки.
Но то, что там тихонько снилось,
обрушась миру в гулкий бункер,
на плюс развалится и минус,
на как бы золото и пурпур.
И мысли яростная юность,
равно открыта тьме и свету,
не сожалея, не торгуясь,
распустит золото по ветру.
Но – не один сыграет в ящик,
когда в пурпурном одеянье
она, подросши и набрякши,
осуществит себя – деяньем.
Когда в экстазе вдохновенья
дойдёт до ручки и до точки
и зафиксирует мгновенье,
соединяя проводочки.
И напоказ под микроскопом
насильно пользуя природу,
всем курам на-смех и Европам
родит искусственных уродов,
весь Универсум исковеркав
исчадьем сморщенных извилин...
О мысль – маньячка, изуверка,
как фейерверк твой замогилен!..

* * *

ЭТА Гофман, ЭТА Гофман!
Вы рисуете в тетради
рюмку с крылышками. Это
значит: Вы – навеселе.
Это значит: для забвенья,
вдохновенья, воспаренья,
ради звуков сладких пенья
был наполнен сей сосуд.
И таинственный Щелкунчик,
хохотунчик, кувыркунчик
изготовился зловещим
цыкнуть зубом трудовым.
И когда младая Юльхен
затворится с мужем в спальне
и игрушечный солдатик
честь условную отдаст,
из тетрадки вынет Гофман
псевдогреческую наблу¹
(ключ от кода) – рюмка звякнет,
крылья в небо понесут.

¹ Набла (∇ – математический символ, «оператор Гамильтона»:
 $[\nabla=(\partial/\partial x, \partial/\partial y, \partial/\partial z)]$)

* * *

Я хотел тебе подарить картошку в виде сердца.
А потом решил подарить сердце в виде стихов.

Но, кажется, подарю стихи в виде картошки.

Овальные и продолговатые,
беззалаберные и наивные,
они просятся в тетрадь,
как на шипящую сковородку –
превратиться из сырого продукта
в лакомство для гурманов.

Эти стихи родились из облака матерщины,
как в пене морской родилась
божественная Афродита,
как рождается в грязях земли
круглый розовый клубень.

В них не найти вдохновенья или сиянья,
а есть немного любви, а больше тихой боязни,
что ты улыбнёшься и скажешь:
«Я терпеть не могу картошки...»

1969

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР-2

Непоспевший пострел, я был, якобы, смел.
Не используя сленг и блефуя отчасти
и отчасти шутя у фортуны в гостях,
я назвал себя так: безделушечный мастер.

Вы поймёте, – я думал себе на беду, –
что́ имел я в виду, где иронию вычел.
Бубенцами – для дам я украсил свой дар,
только внешне фигляр, а не деле – трагичен...»

Времена протекли, понимаете ли,
обезличены литературным процессом,
и п(р)отухла свеча вдохновенья на час,
и выходит, я – чайник!.. (Простите, профессор.)

Кипячусь и пыхчу, за невнятную чушь
не краснея ничуть; и, трудясь, как крестьянин,
за строфою рифмую привычно строфу,
и – как будто в шкафу не бряцают костями.

И как будто всё складно, и вот уже взят
тот рубеж, где назад не шагнуть ни полтакта.
Сколько стр-р-расти в душе!.. Поэтичности же,
как на том рубеже – ностальгии у танка...

Что поэт, то – пророк. Погрузясь по пупок
в ключ каастальский, продрог я и выскочил греться.
Что́ бы мне потерпеть и хотя бы на треть
в слове понатореть тренировок посредством!

Вот – на грех или смех – напроорочил: не смерть –
пенсионную смесь: безделушки, баклушки...
...Осень – вижу с тоскою. Пора на покой.
Отдохнуть бы в какой-нибудь, что ли, Алуште...

* * *

Вот переулок
перерыт канавой.
Движенья нет.
То есть, автомобилей.
А я иду.
И вдруг его узнал я!
Вот здесь,
среди заброшенных развалин,
гулял я с Мишей много лет назад.
И это называлось
“заблуждаться”.
Вот так
наткнусь когда-нибудь на книжку
(на записную), да хотя б на эту,
и вспомню:
– Да! В таких когда-то книжках
любил писать я,
так сказать, “стихи”.
И это называлось
“вдохновенье”.

1995

СОДЕРЖАНИЕ

ВДОХНОВЕНИЕ (Мы, одеты в тёплый свитер...)	3
ДИАЛОГ (Вдохновение – это...)	4
Для веры непременно Откровенье	5
Интеллигент, и должен рефлексировать	6
Когда слова, их сочетания и рифмы	7
ПОХВАЛА АЛФАВИТУ	8
Время – вдохновенья. Начинаю пенье	9
У вас пошлó? А у меня пошлó!	10
Когда под кнутом вдохновенья	11
ГРАФОМАН И ВУРДАЛАК	12
Мещане спят, сто грамм приняв	13
ВЫНУЖДЕННОЕ ВДОХНОВЕНИЕ	14
Вдохновенья в общественном транспорте	16
Душа моя, я бессловесный твой	17
Вот сейчас 0 часов 00 минут	18
ПОЛЁТ	19
ЭПОС И ПАФОС	20
ИЗ ЖИЗНИ ГРАФОМАНОВ	21
Грустно мне, что старикашкой ветхим	22
Мне кажется тесен и узок	24
ИЗ ПЕПЛА	25
ТВОРЧЕСТВО (В образы, как в образа я...)	26
Я же вроде как Дон Аминадо	27
ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ	28
ИЗВИЛИНЫ КАК ЯСЛИ МЫСЛИ	29
Э Т А Гофман	30
Я хотел тебе подарить картошку	31
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР-2	32
Вот переулочек	33

Александр Воловик.
Вдохновение это – вдох, наверное, ветра
Стихи

Издательский дом «Вручную»

Гарнитура Arial
Вёрстка: А.И. Воловик

Подписано к печати 27.06.2018